
КОЛОНКА РЕДАКТОРА

УДК 947.8

doi: 10.25730/VSU.2070.18.051

РАСПАД СССР НЕ БЫЛ НЕИЗБЕЖНЫМ (размышления в связи с некоторыми юбилейными датами)

В. Т. Юнгблюд

доктор исторических наук, профессор, президент ВятГУ, главный редактор журнала «Вестник гуманитарного образования», Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0002-2706-3904. E-mail: valerteod@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются причины распада СССР и крушения мировой системы социализма.

В 1979 г., когда Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и президент США Дж. Картер подписали Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений, никто не предполагал, что уже через десять лет фактически прекратит свое существование мировая система социализма, а еще через два года не станет Советского Союза. В 1979 г. и позднее советские и американские руководители считали приоритетными для себя задачами не проиграть в гонке вооружений и укрепить лидирующие роли своих государств среди союзников (соответственно ОВД и НАТО). Тем не менее к концу 1980-х гг., несмотря на то что Советскому Союзу в целом удавалось сохранять военно-стратегический паритет, его позиции в мире резко ослабли, а внутривосточная ситуация перестала быть стабильной. В 1989 г. пала Берлинская стена, а в 1991 г. прекратил свое существование СССР. В статье проводится мысль о том, что состоявшийся сценарий истории 1989–1991 гг. не был неизбежным, тем более он не был результатом продуманной стратегии США и их союзников, которые по большому счету были ошеломлены стремительностью крушения системы социализма. Главной причиной состоявшегося финала холодной войны была Третья промышленная революция, в первую очередь, получившие в процессе ее распространения широкое применение информационные и телекоммуникационные технологии.

Ключевые слова: ОСВ-2, распад СССР, США, завершение холодной войны, американо-российский антагонизм, Третья промышленная революция, НТР, информационные технологии.

В июне 1979 г. в Вене Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и президент США Дж. Картер поставили свои подписи под Договором об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2). К тому моменту разрядка международной напряженности уже клонилась к завершению. Однако обе стороны отдавали должное исключительной важности этого документа. Его подписание вселяло надежды на обуздание гонки вооружений, снижение опасности ядерной войны и символизировало способность лидеров конкурирующих общественно-политических систем договариваться по главным вопросам международной повестки. Казалось, у истории появилась новая точка отсчета. Сенат Конгресса США не ратифицировал этот документ, но его положения длительное время исполнялись обоими участниками договора, и это обстоятельство обеспечило ему почетное место в истории: как событие дипломатической жизни – он способствовал снижению угрозы войны; как символическое действие руководителей великих держав – он демонстрировал возможность достижения согласия даже между экономически, политически и идеологически соперничающими державами.

Символическое значение ОСВ-2 было очень важным элементом всего политического контекста эпохи. Этого события ждали миллионы людей. Не случайно сам акт подписания Договора, помимо традиционного рукопожатия, был скреплен поцелуем глав государств – уникальным жестом для мероприятий такого рода. В тот момент даже наиболее проницательные политики не могли предвидеть того, что всего через 10 лет произойдет другое символическое событие – падение Берлинской стены, разделявшей Восток и Запад, а вслед за

этим прекратит свое существование мировая система социализма, СССР утратит статус идеологической империи, а в декабре 1991 г. правопреемницей считавшегося «нерушимым» Советского Союза станет Россия.

С окончанием холодной войны, казалось бы, появился шанс на гармонизацию интересов всех государств, ранее разделенных военно-политическими блоками и иными системными институтами. Однако тридцать лет, прошедшие после окончания холодной войны, такой гармонии не принесли и одним из главных факторов турбулентности современных международных отношений остается американско-российский антагонизм.

Почему так произошло? Почему не оправдались надежды 1979 года на мирное сосуществование систем капитализма и социализма, лидеры которых в Вене согласились делить ответственность за сохранение мира? Почему пала Берлинская стена, а вслед за этим изменились ключевые параметры мирового порядка? Почему, наконец, двадцать восемь лет спустя после распада СССР американско-российская конфронтация остается главным вектором развития международных отношений несмотря на то, что «призрак коммунизма» уже давно перестал возбуждать чувство тревоги как в Вашингтоне, так и в столицах других государств мира? Эти вопросы стоят в центре внимания историков и политологов. Ответы на них не могут быть ни быстрыми, ни тем более окончательными: слишком мало времени прошло после «великого перелома» 1989–1991 гг., слишком многие документы и факты пока недоступны историкам, слишком живы эмоции людей, переживших этот виток истории. Тем не менее перечисленные вопросы уже сформулированы и прочно вошли в дискурс современной общественно-политической жизни и исторических исследований. Их осмысление призвано обозначить систему координат восприятия многих текущих процессов.

Обращение к истории 1970–80-х гг. в наши дни, как правило, сопровождается рассуждениями об «исторической неизбежности» крушения социалистической системы. По этому поводу современный историк М. Алмонд резонно заметил, что «те самые структурные и экономические детерминистские аргументы, от которых отмахивались апологеты Запада, когда марксисты пытались доказать неумолимую логику возвышения их системы, теперь используются для того, чтобы продемонстрировать предопределенность триумфа Запада» [1, с. 497]. При этом не без самоиронии он отнес стремление историков всегда находить у великих исторических событий «глубинные корни» к разряду «профессиональных деформаций». Полагаю, что в данном случае «профессиональной деформацией» правильнее считать не желание вскрыть глубинные корни событий, а привычку приписывать им задним числом некую историческую предопределенность, используя для этой цели те или иные универсальные методологические конструкции. Чаще всего такие опыты приводят к эффектным, но недолговечным результатам. Творческий потенциал истории, очевидно, безграничен и оказывается богаче любых конструкций.

История XX века содержит множество примеров отклонения от ожидаемой логики событий. Она наполнена примерами несбывшихся надежд, невыполненных обещаний и недостигнутых целей. На всем ее протяжении в разных регионах мира при, казалось бы, сопоставимых социально-экономических условиях возникали совершенно разные «развилки» путей развития. Очень часто реальные результаты принятых решений и намеченных планов не соответствовали ожиданиям их авторов и исполнителей. «Порой случившееся вовсе не должно было случиться – иными словами, неизбежным оно стало очень поздно», – заметил Алмонд, размышляя по поводу истории 1989 г., и добавляет, что «западный миф о неизбежной победе над монолитным, неэффективным и деспотическим коммунизмом не выдерживает критики» [1, с. 497]. Разумеется, историк не отрицает самого факта крушения социализма в Восточной Европе – он бесспорен. Не ставятся также под сомнение неэффективность советской экономики и недемократичность политического режима в СССР эпохи развитого социализма¹. Речь идет о другом – о том, что состоявшийся сценарий всемирной истории 1989–1991 гг. не был

¹Алмонд полагает, что решающую роль в истории последних лет существования и гибели СССР сыграл М. С. Горбачев. Он пишет: «Коллапс Советского Союза был вызван вовсе не объективными экономическими факторами, а интеллектуальными просчетами и ложными ожиданиями советской элиты. Несомненно, западная горбимания спровоцировала высокомерие генерального секретаря: если уж он так импонирует капиталистам, то мужиков в колхозе завоевать не представляло труда» (Алмонд М. 1989-й без Горбачева. Что, если бы коммунизм не потерпел крах? // Виртуальная история: альтернативы и предположения / под ред. Ниала Фергюсона. М. : АСТ : CORPUS, 2019. С. 513).

неизбежным, тем более он не был результатом продуманной стратегии США и их союзников, которые по большому счету были ошеломлены стремительностью крушения системы социализма.

Запад, и в первую очередь США, тем не менее не замедлили приписать себе заслугу победы в холодной войне и воспользоваться ее результатами. Очень скоро появились исторические и публицистические версии этой истории, в которых мифологизировались действия «победителей» и героизировались ее главные участники. Отдельной строкой прописывалась «особая роль» в случившемся М. С. Горбачева² [8, с. 628]. В полном соответствии с максимой, согласно которой история войн пишется победителями, в 1990-е гг. был создан, растиражирован и фактически канонизирован тот самый вариант истории завершения холодной войны, который в настоящий момент служит целям формирования исторического сознания и политического планирования в странах НАТО и в ряде других государств, включая обширные регионы постсоветского пространства. Суть этого варианта сводится к нескольким взаимосвязанным положениям: СССР и ОВД проиграла Западу из-за несостоятельности социалистического пути развития; победителем из холодной войны вышли Соединенные Штаты Америки и их союзники по причине продуманной стратегии; будущее мира связано с распространением демократии и либеральных ценностей, гарантом которых являются США; мир после холодной войны должен быть однополярным в силу экономического и военного превосходства США и принадлежащего им права на моральное лидерство; политика США в мире олицетворяет прогресс, любые препятствия на пути этой политики следует расценивать как попытку обратить историю вспять.

В конце второго десятилетия XXI века все более очевидными становятся изъяны такой интерпретации истории.

Борьба СССР и США, капитализма и социализма в годы холодной войны проявляла себя преимущественно в виде гонки вооружений и противостояния идеологий. Соотношение экономических потенциалов и уровней жизни населения, разумеется, также в расчет принималось, но ни статистические сравнения, ни социологические прогнозы в 1970–80-х гг. серьезных потрясений не предвещали. Запад фиксировал в СССР снижение темпов экономического роста и заметное технологическое отставание [10, р. 3, 43–44, 83, 105]. Однако на фоне собственных энергетических, финансовых и структурных проблем ситуация в СССР аналитикам США и НАТО критической не казалась. Кроме того, Москва добилась ядерного паритета, а идеологический щит социализма при всех изъянах доктринального марксизма выглядел достаточно прочным для того, чтобы крепить единство рядов в мировом коммунистическом движении и мировой системе социализма.

Нарушение баланса сил с последующим лавинообразным нарастанием деструктивных явлений в СССР наметилось на рубеже 1970–80-х гг. и было напрямую связано не столько с американо-советским противостоянием, сколько с принципиально новыми явлениями в мировой экономике и международной жизни, ранее не учитывавшимися ни с той, ни с другой стороны линии фронта холодной войны. «Черных лебедей», повлиявших на ход истории³, было несколько (произошедшие в те годы научно-технические прорывы, начавшаяся глобализация, война в Афганистане и последовавшие санкции против СССР, болезнь Л. И. Брежнева и связанный с этим кризис власти в СССР). Их подлинное значение и причинно-следственные связи между ними еще предстоит изучить. Но, отталкиваясь от имеющегося на данный момент уровня знаний о реалиях той эпохи, можно предположить, что перелом в советско-американском противостоянии наметился в тот момент, когда в полной мере стали проявляться экономические и социальные последствия научных прорывов в теории информации и цифровых вычислениях, составивших ядро Третьей промышленной революции. Их влияние на экономические и социальные системы оказалось колоссальным. «Возможность хранить, обрабатывать и передавать информацию в цифровом виде переформатировала большинство отраслей промышленно-

²Наиболее основательный труд о М.С. Горбачеве принадлежит перу Уильяма Таубмана, в котором советский руководитель охарактеризован как «мечтатель, которому удалось изменить судьбу своей страны и всей планеты, хотя и не так сильно, как ему бы хотелось», который в итоге «не смог совладать с теми силами, что высвободил, и с народами, которым помог обрести свободу как в СССР, так и за его пределами». (Таубман У. Горбачев. Его жизнь и время. М. : АСТ : CORPUS, 2019. С. 628).

³«Черный лебедь» – символ обозначения непредсказуемого события. (Талев Н. Н. Черный лебедь: под знаком непредсказуемости. М. : КоЛибри ; Альпина Паблишерз, 2010).

сти», – констатирует К. Шваб [9, с. 24]. Но дело было не только в выходе производства на новый технологический уровень с соответствующими последствиями для потребительского рынка и повышения жизненных стандартов миллиардов людей. Третья промышленная революция изменила характер трудовых отношений, переформатировала социальные структуры обществ и существенно повлияла на межгосударственные отношения. Она не готовилась специально ни одной из противоборствующих в холодной войне великих держав, не была частью их стратегий завоеваний мира. Более того, каждая из сторон вносила свой посильный вклад в ее достижения. И, как нередко бывает с великими историческими событиями, никто: ни руководители государств, ни вооруженные фактами эксперты – не смог спрогнозировать ее последствий.

Американское общество в полной мере испытало воздействие этого импульса, который существенно деформировал общественные отношения и социальные связи [3, с. 57–59], изменил правовые регуляторы, внес поправки в иерархию гражданских добродетелей и традиционных ценностей [4, с. 24–45; 5, с. 44; 11, р. 8–15]. Но оно сумело справиться с этой ударной волной. Для СССР же ее последствия оказались гораздо более разрушительными, в первую очередь в связи с начавшимся на рубеже 1970–1980-х гг. широким распространением информационных технологий и достижений в сфере телекоммуникаций. Космос и ядерная физика – успешные и привилегированные флагманы советского научно-технического прогресса – вполне вписывались в идеологию и практику межблокового паритета. Но в сфере производства и применения компьютеров и передачи информации СССР в тот момент отставал существенно. Открытия, обеспечившие беспрепятственное распространение информации, внедрение в администрирование государственных учреждений, финансовых учреждений, производственных корпораций и в повседневную жизнь людей компьютеров и информационных технологий, завершили соревнование общественно-политических систем не в пользу СССР. Компьютерные сети и телекоммуникация сделали уязвимой советскую идеологическую броню.

Спонтанность информационной революции придала историческому процессу особенный драматизм. Если в конце 1970-х гг. соревнование систем рассматривалось как долговременный процесс, то во второй половине 1980-х гг. перспективы противостояния были уже вполне прогнозируемыми. «Информационная революция лежала в самой сердцевине глобальной регенерации капитализма в 1980-х гг.», – отмечает современный исследователь [12, р. 396]. «Глобальной регенерации» социализма в это время не произошло. Советское общество оказалось беззащитным перед направленными информационными интервенциями. Еще меньше к ней было готово высшее руководство страны. Демонтажу Берлинской стены, таким образом, предшествовало снижение информационных барьеров между государствами.

Первая волна глобализации в 1980-е гг. прокатилась стихийно. Ее амплитуда задавалась не столько политическими, сколько научно-техническими импульсами. Тем не менее технологические инновации и беспрепятственное перемещение любой информации по всему миру стали мощным средством воздействия на массовое сознание, и это сразу стало влиять на политическую ситуацию в СССР и в странах Восточной Европы. Своеобразным отражением этих процессов стали запечатленные в решениях 27 съезда КПСС в 1986 г. установки на новое мышление, общечеловеческие ценности и гласность. Еще несколько лет назад сама мысль о том, что руководители партии и советского государства выдвинут подобные инициативы, могла показаться невероятной. Конечно, к тому моменту состав Политбюро существенно обновился и новый лидер – М. С. Горбачев – в гораздо большей степени, чем его предшественники, был настроен проводить политику обновления. В то же время условия, при которых ему приходилось действовать, были принципиально иными – он возглавил страну в период беспросветного экономического кризиса, который развивался на фоне уже стартовавшей глобализации и с каждым днем все плотнее «накрывавшей» страну информационной прозрачности. Свободы маневра у него практически не было, поэтому провозглашенные им реформы были не столько продуктом развития творческой мысли (хотя, конечно, в его окружении было немало интеллектуалов, привнесших в планы и публичную риторику последнего Генерального секретаря немало свежих идей), сколько вынужденной и запоздалой мерой, а точнее полумерой. Информационный виток научно-технического прогресса М. С. Горбачевым и его сподвижниками, наверняка, ощущался (об этом свидетельствует постоянно звучавший в конце 1980-х гг. призыв «научиться работать в условиях демократии») [2, с. 226], но, по большому счету, никаких адекватных действий по этому поводу предпринято не было.

Новое мышление и общечеловеческие ценности изначально были предназначены для того, чтобы убедить соотечественников, граждан союзных государств и стран Запада в ис-

кренности намерений руководства СССР демократизировать страну, в их восприимчивости к либеральным ценностям и в потенциальной совместимости двух систем. Однако это был опасный путь, поскольку он активизировал общественно-политические процессы, которые власть контролировать уже не могла. Крушение Советского Союза и последовавшее за ним «преобразование мирового порядка» далеко не сразу были осознаны как «крупнейшая геополитическая катастрофа» [6] XX века. В первые годы после прекращения существования СССР руководство Российской Федерации последовательно продолжало курс на демократизацию страны, полагая, что таким образом будут созданы условия для сближения с США и их союзниками. Однако к позитивным результатам этот курс не привел. Сблужившись после распада СССР геополитическими преимуществами оказался слишком большим: США объявили себя победителями в холодной войне и по праву победителя в своей внешней политике пошли по пути достижения односторонних выгод и абсолютизации собственных интересов и норм. Возрождение российско-американского антагонизма при таком повороте событий было лишь вопросом времени.

Перед вами очередной номер журнала «Вестник гуманитарного образования». Рубрику «Проблемы отечественной истории» открывает статья д. ист. н., доцента Института истории Хэйлунцзянского университета (г. Харбин) Е. Яньхуа «Советские исследования Арктики в 1920-х гг.». Морские перевозки традиционно играют значительную роль в мировой торговле. Северный морской путь, связывающий Европейскую часть России с Дальним Востоком, сегодня продолжает оставаться важнейшей линией транспортных коммуникаций. Выступая на международном форуме «Один пояс, один путь», проходившем 25–27 апреля в Пекине, президент России В. В. Путин заявил о значимой роли Арктики для мировой торговли. В Китайской Народной Республике проявляют большой интерес к этому региону. В настоящее время в Китае принята широкомасштабная программа строительства ледокольного флота. Поэтому обращение к истории освоения и развития Арктики российскими и советскими учеными со стороны китайских историков неслучайно. Статья посвящена научным исследованиям Арктики в СССР в 1920-х гг.

Автор отмечает, что в дореволюционной России исследованием Арктики занимались отдельные ученые и группы энтузиастов в инициативном порядке. На государственном уровне эта работа не планировалась и не координировалась. Масштабное изучение этого региона началось уже в Советской России с 1919 г., т. е. еще до окончания гражданской войны. Правительство СССР выступило инициатором развертывания комплексных исследований на огромной территории от Кольского полуострова до Камчатки, в водах и льдах Северного Ледовитого океана, на северных островах. Решениями советского правительства были созданы специальные научные организации – Плавающий морской научно-исследовательский институт, Северная научно-промысловая экспедиция, Полярная комиссия АН СССР, Якутская комиссия АН СССР. Советские ученые выполнили глубокие и разносторонние исследования топливно-энергетических и иных природных ресурсов арктических территорий. Одновременно были определены транспортные возможности Северного Ледовитого океана.

Рубрику продолжает работа к. ист. н., начальника отдела использования архивных документов КПСС и общественных организаций, Центрального государственного архива Кировской области П. А. Чемоданова «Абрам Столяр: политическая биография эпохи “Большого террора”». Статья посвящена известному советскому партийному деятелю межвоенного периода. Автор прослеживает этапы его политической карьеры: от большевистского агитатора на Дальнем Востоке до руководителя крупных регионов Поволжья и Урала. В статье подчеркивается, что А. Я. Столяр, как и многие советские руководители того времени, был активным проводником «Большого террора», но сам впоследствии стал его жертвой. Особое внимание уделено периоду работы А. Я. Столяра в Кировской области (1934–1937 гг.). Будучи вторым секретарем Горьковского краевого комитета ВКП(б), он был назначен в декабре 1934 г. руководителем вновь созданного Кировского края. Возглавив обширный, многолюдный, но слабо развитый в экономическом отношении регион, он развернул кипучую деятельность по его преобразованию и преуспел в этом деле. Впоследствии эта работа была продолжена им на посту руководителя Свердловской области. Последующий арест А. Я. Столяра и показания, данные им на Лубянке в 1938 г., не могут, как полагает автор статьи, перечеркнуть реального вклада А. Я. Столяра в экономическое и культурное развитие Европейской России.

Рубрику «Проблемы всеобщей истории» открывает статья к. ист. н., доцента кафедры истории и политических наук ВятГУ А. В. Зорина «Соединенные Штаты, ЮНПРА и проблема

экономического восстановления Чехословакии в 1945–1947 гг.». Одной из насущных проблем, с которой столкнулись страны Европы после окончания Второй мировой войны, было экономическое восстановление. Исследователь акцентирует внимание на деятельности Администрации Объединенных Наций по оказанию помощи и реабилитации (UNRRA – ЮНРРА), сыгравшей значительную роль в восстановлении многих государств Европы, включая и Чехословацкую республику. Экономическая деятельность ЮНРРА оказалась тесно переплетенной с политическими процессами. Поскольку главным спонсором организации являлись США, а Чехословакия постепенно входила в сферу влияния СССР, безвозмездная помощь со стороны ЮНРРА вызывала серьезные нарекания и опасения американских дипломатов в Праге, полагавших, что чехословацкое отделение ЮНРРА во главе с гражданином СССР П. Алексеевым способствовало не столько восстановлению чехословацкой экономики, сколько усилению влияния левых сил и проведению социалистических преобразований. Автор приходит к выводу, что экономические цели данной организации вступали в противоречие с политическими интересами США. Несмотря на настойчивые и категоричные заявления американских дипломатов, чехословацкое отделение ЮНРРА сохраняло независимость, оказав значительную помощь в восстановлении экономики Чехословакии.

Продолжает рубрику статья д. ист. н., Ученого секретаря Института российской истории РАН Н. Е. Быстровой «Наследие империи: Советская Россия на Международной Генуэзской конференции 1922 г.», в которой на основе архивных материалов показаны малоизвестные аспекты предыстории и истории конференции, ставшей первым успешным шагом на пути нормализации политических и экономических отношений между Советской Россией и странами Запада после Первой мировой войны. Показана подготовительная работа по выработке тактики российской делегации, ее программы; передана суть тактических разногласий западных держав в оценке «русского вопроса». Автор освещает конфиденциальные переговоры советских делегатов по вопросу о долгах царского и Временного правительств России с представителями Великобритании, Франции, Италии и Бельгии на вилле Альбертис, а также историю подписания советско-германского Рапальского договора. В статье показано, что признание долгов довоенного и военного времени советская сторона ставила в зависимость от предоставления кредитов; в вопросе о национализированном иностранном имуществе она не шла ни на какие уступки. Для Советской России путь развития экономических отношений за счет принципиальных экономических и политических уступок, на которых настаивал Запад, был неприемлем. Однако Генуэзская конференция для Советской России не была бесплодной: страна впервые после революции, преодолев блокаду, возвратилась в ряды субъектов мировой политики.

Рубрика «Филология» представлена статьей «Перцептивный образ “типичного объекта” и языковые средства его создания», подготовленной учеными кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения ВятГУ д. филол. н. Л. В. Калининой и преподавателем М. М. Трушковым. Статья посвящена языковым средствам, отражающим взаимодействие семантики типичности с понятийной категорией перцептивности. По мнению авторов, именно «типичные объекты» лежат в основе формирования в сознании классификационных категорий. В представленной читателям работе с помощью методов структурной, функциональной и когнитивной лингвистики на материале Национального корпуса русского языка анализируются особенности семантики и функционирования в речи лексемы «типичный» и показываются пересечения семантики типичности со смысловой категорией перцептивности. Ученые приходят к выводу, что перцептивно воспринимаемые признаки объектов играют важную роль в формировании семантики типичности. Перцептивно воспринимаемые признаки обычно с большей или меньшей степенью детализации перечисляются в контексте. Благодаря этому создается языковой образ некоторого «типичного объекта», чаще всего – человека. Образ человека как «типичного представителя» какой-либо группы выстраивается как совокупность его непроцессуальных (качественных) и процессуальных (отражающих модель поведения) характеристик.

Продолжает рубрику статья д. филол. н., доцента кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения ВятГУ А. Г. Масловой и студента 3 курса бакалавриата факультета филологии и медиакоммуникаций А. С. Фалеевой «Мифопоэтика снега в лирике Бориса Пастернака». В статье исследуются особенности функционирования образа снега в лирике Б. Л. Пастернака. Снег рассматривается как концептуальный мифопоэтический образ, отражающий авторское мировосприятие. Обращение к данной проблеме обусловлено вниманием литературоведческой науки к сквозным мотивам творчества Б. Л. Пастернака и выдвинутым на первый план в современной гуманитарной науке этическими вопросами, связан-

ными с поисками духовных аспектов взаимодействия человека и природы. Особое внимание уделено зимнему циклу сборника «Когда разгуляется». Авторы статьи приходят к выводу, что снег в лирике Пастернака символизирует жизнь во всех ее проявлениях.

Рубрика «Культурология» представлена статьями, посвященными феномену медиакультуры и ее влиянию на повседневную жизнь людей. Так, доцент кафедры культурологии, социологии и философии ВятГУ Э. В. Гмызина рассматривает свойства современного информационного вещания и идеологический принцип развития медиакультуры. В центре ее внимания – инфотейнмент, родившийся в программах американского телевидения 1980-х г., который сопоставляется с первыми опытами в этой области на российском телевидении в 1990-е г. и современной журналистской практикой. На конкретных примерах рассматриваются приемы, которые используются ведущими и репортерами для привлечения зрительского внимания. Раскрывается общая тенденция развития информационного вещания, связанная с усилением развлекательного компонента в вербальном и визуальном аспектах. Подчеркивается, что инфотейнмент является не просто набором журналистских методов и приемов, а следствием распространения идеологии постмодернизма, провозглашающей свободу от авторитетов, ироничное восприятие штампов и культ парадоксов.

Статья аспиранта кафедры американских исследований СПбГУ Т. А. Волковой посвящена актуальной теме – культуре так называемых «колумбайнеров». Целью исследования является анализ школьного насилия на примере массовых расстрелов в американских учебных заведениях, выделение основных этапов и характеристик данного явления непосредственно как культурного феномена и его влияние на рост подобных случаев в российской школьной среде. Предметом исследования молодого ученого является школьное насилие, получившее распространение в США в последнее десятилетие XX в. Рассматривая аналогичные случаи в нашей стране, произошедшие с 2014 по 2018 гг., автор приходит к выводу, что паттерны насилия, зародившиеся в США, распространяются в российских школах через прямое копирование американского опыта, не имеющего серьезных идеологических обоснований для отечественных школьников.

Аспирант кафедры культурологии, социологии и философии Вятского государственного университета А. Ю. Корнеева обращается к выявлению роли социального театра как формы социокультурной адаптации незащищенных групп населения. Автор проводит анализ различных подходов к социальным театральным проектам, связанных с их функциональностью. Специальное место в статье отводится статусу понятия «незащищенные группы населения». В заключение автором предлагается анализ театральных проектов с участием актеров «особого театра», состоявшихся в ноябре 2018 г. в рамках международного культурного форума в Санкт-Петербурге, показана их роль в социокультурной адаптации незащищенных социальных групп.

Завершает рубрику статья, посвященная современному зарубежному кинематографу. Автор – М. Н. Родионова, аспирант кафедры культурологии, социологии и философии ВятГУ, – представила краткий обзор культурологических концепций, с начала XXI в. применяемых исследователями для описания эпохи, определяющей характеристикой которой является наличие цифровых технологий и сетевые взаимодействия людей с помощью этих технологий. Основываясь на классификации, предложенной Г. Дембером, она рассматривает художественное отражение стратегий метамодернизма в современных кинофильмах о сетевой культуре («Нерв», «Она», «Ингрид едет на Запад», «Первому игроку приготовиться»).

В рубрику «Личность в истории» включена статья д. пед. н., профессора кафедры педагогики ВятГУ В. Б. Помелова, посвященная выдающимся методистам – Леониду Александровичу Цветкову и Василию Григорьевичу Разумовскому. В статье раскрыт вклад каждого из них в развитие отечественной педагогической науки, прежде всего методики обучения. Показана связь этих ученых с Вятским краем, с местными учителями и учеными.

Рубрику «Рецензии и научная жизнь» открывает отзыв к. ист. н., доцента ВятГУ Ю. М. Кузьмина на подготовленную сотрудниками Института США и Канады РАН монографию «Локальная война в военно-политической стратегии США в начале XXI века». В рассматриваемом исследовании затронут специфический сегмент внешней политики США. Рецензент отмечает, что оценки событий, как и общая тональность повествования, отличаются взвешенностью и объективностью. Актуальность книги определяется тем, что этот период истории характеризуется глубокими изменениями в мировой политике и анализ участия США в локальных войнах и конфликтах позволяет глубже понять процессы современного мира. По мнению автора рецензии, содержательный труд, опубликованный под редакцией В. И. Батюка, является важным вкладом в изучение внешней политики США.

Д. ист. н., профессор кафедры американских исследований СПбГУ Ю. Г. Акимов обращает внимание читателей на вышедшую в 2018 г. монографию «Либеральный прагматизм. Реализация военного, политического и экономического потенциала Канады в годы Второй мировой войны», автором которой является доцент кафедры философии и политологии факультета социально-политического менеджмента Саратовского социально-экономического института Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова А. Н. Учаев. Отмечается высокая исследовательская культура автора работы, внимание и уважение к деталям, тщательность проработки исторического фона рассматриваемых событий. По мнению рецензента, монография А. Н. Учаева вносит значительный вклад в изучение малоизвестных страниц истории Второй мировой войны и истории Канады.

В конце 2017 г. вышел в свет сборник статей «Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов» под редакцией доктора исторических наук Н. И. Егоровой. По мнению кандидата исторических наук, доцента кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета О. В. Рычковой, этот труд создает благодатную почву для новых дискуссий. Книгу отличает свежий взгляд на интерпретацию многих событий, который обеспечивается сознательной установкой на осмысление холодной войны и разрядки как эпохи взаимодействия и сотрудничества различных субъектов международных отношений, в том числе и в тех областях, которые традиционно рассматривались в исключительно конфронтационном контексте. В этом коллективном исследовании охарактеризованы многие государственные деятели, принявшие участие в подготовке компромиссных решений и выработке согласованных подходов к урегулированию как глобальных, так и частных проблем.

Список литературы

1. Алмонд М. 1989-й без Горбачева. Что, если бы коммунизм не потерпел крах? // Виртуальная история: альтернативы и предположения / под ред. Н. Фергюсона. М. : АСТ : CORPUS, 2019. С. 497–524.
2. Горбачев М. Остаюсь оптимистом. М. : АСТ, 2017. 415 с.
3. Печатнов В., Печатнов Вал. Меняющийся религиозный ландшафт Америки // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 9. С. 57–68.
4. Печатнов В. Традиционные ценности и их противники // Россия XXI век. 2017. № 1. С. 24–45.
5. Печатнов В. В., Печатнов В. О. Всемирное православие в зеркале социологических опросов // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. Том LXXXV. 2018. С. 36–52.
6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25.04.2005: «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53088.
7. Талев Н. Н. Черный лебедь: под знаком непредсказуемости. М. : КоЛибри ; Альпина Паблишерз, 2010. 454 с.
8. Таубман У. Горбачев. Его жизнь и время. М. : АСТ : CORPUS, 2019. 763 с.
9. Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции. М. : Эксмо, 2018. 320 с.
10. Hatzivassiliou E. Pointing to the Emerging Soviet Dead Ends: NATO Analysis of the Soviet Economy / Woodrow Wilson International Center for Scholars, Cold War International History Project, Working Paper #87, Washington, 2018. 109 p.
11. McDougall W. A. The tragedy of U. S. Foreign Policy: how America's civil religion betrayed the national interest. New Haven, Yale Univ. Press, 2019. 408 p.
12. Reynolds D. Science, technology, and the Cold War // The Cambridge History of the Cold War. Vol. III. Endings / ed. by Leffler M. and Westad O. A. N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2010. P. 378–399.

THE COLLAPSE OF THE SOVIET UNION WAS NOT INEVITABLE (reflections on some anniversaries)

V. T. Yungblud

Doctor of historical sciences, professor, President of VyatSU, editor-in-chief of the journal
"Herald of humanitarian education", Vyatka State University. Russia, Kirov.
ORCID: 0000-0002-2706-3904. E-mail: valerteod@gmail.com

Abstract. The article discusses the causes of the collapse of the USSR and the collapse of the world system of socialism.

In 1979, when the General Secretary of the CPSU Leonid Brezhnev and US President J. Carter signed a Treaty on the limitation of strategic offensive arms, no one expected that in ten years the world system of so-

cialism will actually cease to exist, and in two years later there will not be the Soviet Union. In 1979 and later, the Soviet and American leaders considered it a priority not to lose in the arms race and to strengthen the leading roles of their States among the allies (Warsaw treaty organization and NATO, respectively). However, by the end of the 1980s, despite the fact that the Soviet Union as a whole managed to maintain military-strategic parity, its position in the world has weakened dramatically, and the domestic political situation has ceased to be stable. In 1989 the Berlin wall fell, and in 1991 the USSR ceased to exist. The article suggests that the scenario of the history of 1989–1991 was not inevitable, especially it was not the result of a well-thought-out strategy of the United States and its allies, who were overwhelmed by the impetuosity of the collapse of the system of socialism. The main reason for the end of the cold war was the Third industrial revolution, first of all, information and telecommunication technologies, which were widely used in the process of its spread.

Keywords: Strategic Arms Limitation-2, the collapse of the USSR, the United States, the end of the cold war, the American-Russian antagonism, the Third industrial revolution, STR (Scientific and technological revolution), information technology.

References

1. Almond M. 1989-j bez Gorbacheva. Chto, esli by kommunizm ne poterpel krah? [1989 without Gorbachev. What if communism had not failed?] // *Virtual'naya istoriya: al'ternativy i predpolozheniya* – Virtual history: alternatives and assumptions / ed. N. Ferguson. M. : AST: CORPUS, 2019. Pp. 497–524.
2. Gorbachev M. *Ostayus' optimistom* [I remain optimistic]. M. : AST, 2017. 415 p.
3. Pechatnov V., Pechatnov Val. *Menyayushchij religioznyj landshaft Ameriki* [The changing religious landscape of America] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* – World economy and international relations. 2018. Vol. 62. No. 9. Pp. 57–68.
4. Pechatnov V. *Tradicionnye cennosti i ih protivniki* [Traditional values and their opponents] // *Russia XXI century*. 2017. No. 1. Pp. 24–45
5. Pechatnov V. V., Pechatnov V. O. *Vsemirnoe pravoslavie v zerkale sociologicheskikh oprosov* [World Orthodoxy in the mirror of sociological surveys] // *Cerkov' i vremya. Nauchno-bogoslovskij i cerkovno-obshchestvennyj zhurnal* – Church and time. Scientific-theological and Church-public journal. Vol. LXXXV, 2018. Pp. 36–52.
6. The message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on 25.04.2005: "Message of the President of Russia Vladimir Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation" // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53088/ (in Russ.)
7. Taleb N. N. *Chernyj lebed': pod znakom nepredskazuemosti* [Black Swan: under the sign of unpredictability]. M. : KoLibri; Alpina Publishers, 2010. 454 p.
8. Taubman W. *Gorbachev. Ego zhizn' i vremya* [Gorbachev. His time and life]. M. Publishing house AST: CORPUS. 2019. 763 p.
9. Shvab K. *Tekhnologii Chetvertoj promyshlennoj revolyucii* [Technologies of the Fourth industrial revolution]. M. : Eksmo. 2018. 320 p.
10. Hatzivassiliou E. *Pointing to the Emerging Soviet Dead Ends: NATO Analysis of the Soviet Economy* / Woodrow Wilson International Center for Scholars, Cold War International History Project, Working Paper #87, Washington, 2018. 109 p.
11. McDougall W. A. *The tragedy of U. S. Foreign Policy: how America's civil religion betrayed the national interest*. New Haven, Yale Univ. Press, 2019. 408 p.
12. Reynolds D. *Science, technology, and the Cold War* // *The Cambridge History of the Cold War*. Vol. III. Endings / Ed. by Leffler M. and Westad O. A. N. Y., Cambridge Univ. Press, 2010. Pp. 378–399.